

История возникновения Проклятых Земель и Великой войны приведшей к разделению древних рас на темных и светлых

Любовь — это всегда боль и страдания, а уж великая любовь и подавно. Но бывает и такая, какую помнят многие тысячелетия: сметающая устои, сплетающая целые народы в тугой узел вражды и противоречий. И неважно, восседаешь ли ты на троне или валяешься пьяным у сточной канавы, будь уверен: и тебя коснутся ее огненные крылья. Такой и была любовь эльфа Немхо из рода Черный Свет и Тэйи и принцессы Иврии из рода Эмергов, из-за которой произошло великое разделение народов, и появились проклятые земли.

И об этом до сих пор говорят легенды.

Проклятые земли не всегда слыли таковыми, когда-то это был обширный, не признающий чьей-либо власти пригород блистательного города Соккерто, носивший название Тусклые Холмы.

Окрест него на сотни километров раскинулось поросшее бурной растительностью взгорье. Которое переходило в пустынные барханы, где били горячие ключи, окутывающие туманами циклопические, утопающие в песках постройки древних. Сказочное, опасное место. Селились тут охотники за артефактами, некроманты, последователи других, не менее сомнительных культов магии, убийцы-одиночки, не желающие принадлежать ни одному из преступных цехов, адепты кроважанных сект, которых отвергал даже преступный мир.

В третью эру, когда миром правили люди, император Иврии Олли Меч Света после трехлетнего паломничества в Небесные Храмы Радогеи спешно покинул пределы Великой Голубой Цитадели. Как ни старались Голубые жрецы, они не убедили императора уничтожить Темную книгу Сарамэ: самодержец был слишком напуган. Древний артефакт даровал ему великие силы, но незаметно отбирал разум. Император, в глубине души уже начавший это осознавать, не мог ничего поделать — слишком сильны были узы гордыни.

«Только не в этот раз, — говорил себе государь. — Еще немного, еще чуть-чуть, сейчас силы так нужны мне! Ой, как нужны!»

Он устремился в город воров Соккерто. Страшные вести подгоняли его, заставляя не щадить ни себя, ни своих людей. И понукать-понукать, загоняя лошадей. Чем ближе владыка подступал к Соккерто, тем черней и бешеней становились его мысли. Не остудили их ни прохладные ветры Хрустальных Гор, ни мудрые речи Белых Храмовников. Не помогли и любимые стены Нефритового дворца с искусными наложницами, танцовщицами, акробатами. Не заглушили щемящую боль — огненный смерч в сердце правителя. Император метался по палатам, как раненый зверь в клетке. Дочь, любимая дочь, его семья, и все его чаяния, надежды, помыслы — все было предано, разрушено, разбито. И кругом лишь руины! Руины — бесконечные руины! По сердцу императора словно стучали черные молоты: «Принцесса бежала в тусклые холмы! Брюхатая от эльфа!»

— За что?! — надрывая легкие, ревел Олли. Разбивая в кровь кулаки, круша все, что попадало под тяжелую руку. Ужас поселился в ранее светлых покоях императора. Той же ночью

«крепчайшая длань праведных» поклялся светом раз и навсегда уничтожить Тусклые Холмы — это нечистое место, смердящее подле блистательного Соккерто, огнем и мечом выжечь ненавистное пристанище беглецов и вольнодумцев. Бежавшую же непокорную дочь вернуть, а нагулянного принцессой ублюдка батогами выбить из чрева. Немхо же — это эльфийское исчадие — и всю его колдовскую породину, весь его темный род уничтожить до седьмого колена. Император бранился, клялся, призывая небо в свидетели, но оно не предвещало владыке Иврии ничего хорошего. Зловещая, алая как кровь, звезда вот уже несколько ночей неслась, рассекая ночное небо, мерзким красным пятном мерцая даже при свете солнца.

Вопреки ужасающим предсказаниям храмовников Белой Твердыни, умоляющих императора смирить свой гнев (в подтверждение они указывали на появление зловещего знака на небосводе), непреклонный Олли Меч Света вынул-таки клинок из ножен. И свершилось страшное: сопровождаемые алым взглядом кровавой звезды тысячи неприкаянных темных душ отлетели в бездну. Некоторые сдались на милость императора, многие укрылись в бесконечных катакомбах Тусклых Холмов. Самым дерзким, благодаря помощи эльфа Немхо, удалось прорвать ряды воинов Светлого императора и уйти за Хрустальные Горы в Черные Леса, на земли эльфов под прикрытием их смертоносных луков. Многих и многих воинов потерял император, преследуя беглецов в Темных Лесах, но так и не вернул себе непослушную дочь. Император Солнца отступил в дикой, безудержной ярости, проклиная древний народ.

Но самое худшее случилось позже: когда император, потерявший от гнева разум, вернулся в Соккерто, приказав казнить всех жителей Тусклых Холмов, даже женщин и грудных детей, а тела их сжечь. Нечестивую же кровь казненных, собранную в огромный серебряный котел, выпарить на очистительном огне.

Но боги рассудили иначе.

Еще до начала казни от темных эльфов прибыло посольство. Возглавлял его презревший смерть Немхо, и он приехал просить милости для приговоренных. Великий маг стоял у плахи, указывая рукой на зловещую комету, с надрывом обращаясь к императору Иврии:

— Небесная покровительница рода моего, Маара Великосильная, будь свидетельницей моих слов! Эльфы Темных Лесов не хотели обмана, не желали проливать людскую кровь! Звезды решили быть нашему с Гевой сыну, настоящая любовь выше законов! Даже твоих, император!

— Твоя кровь подла, колдун! — в ответ шипел сквозь зубы император, его пальцы, сжимающие эфес, побелели.

— Господин, — кричал Немхо, — ты благороден и могуч! Заклинаю тебя, пощади узников, заberi мою жизнь, жизни моих эльфов! Не казни невинных! Иначе великое проклятье падет на эту землю. И моя кровь будет мстить этому свету до конца времен!

Не успел Немхо закончить свою речь, как зловещая звезда ярко вспыхнула, озарив тучи багрецом.

Император не внял ни мольбе, ни голосу разума.

Он казнил Немхо — отца своего будущего внука. Не помиловал ни живой, ни полуживой души Тусклых Холмов, не пощадил посольства эльфов. Совершив молитву «Восхода солнца», император Света приказал внести серебряный котел, полный нечистой крови, на уже сложенную дровяную громаду. И тогда показалось, что само солнце не желает выходить из-за лиловых, мрачных туч. Алая звезда, словно мстительное око бездны, взирала на землю.

И все же сотня самых преданных воинов, презрев страх, выполнила приказ императора. Внесли злополучный котел на помост. Где их встретил порывистый, стонущий ветер, словно кричащий: «Не надо!»

Но люди давно разучились слушать его порывы и не разобрали сказанного им. Повсюду ощущался запах зажженных факелов, шуршали молитвы монахов и шелест их развевающихся белых одежд.

Все решилось в одно мгновение.

Сотни стрел, возникших из ниоткуда, словно рой черных ос облепили тех, кто нес жуткий сосуд. Черные луки эльфов сокрушили всех на помосте. Котел с кровью опрокинулся. И стал истоком страшного проклятья.

Дерзкий отряд возглавляла бывшая принцесса Иврии, одетая как королева эльфов. Она — бесстрашная — с проклятиями на устах смертельно ранила своего отца, императора Солнца. А следом черные стрелки молниеносно исчезли, отступив в бесконечные катакомбы Соккерто, обрушив за собой своды. Хваленые Нефритовые войны — личная охрана императора — ничего не смогли поделать.

Благодаря сильной магии Белых храмовников Олли выжил. Но потерял правый глаз.

Так началась первая война между людьми и эльфами, которая привела к смерти императора Солнца, погибшего от руки своего же внука — Сайгура Черный Свет. Воспитанный эльфами, Сайгур возмужал и стал первым Темным императором, владельцем всех трех святынь темной власти: Фолианта Темной Крови, Камня Алчности и «Сердца Дракона». Как и предрекал его отец, великий маг Немхо, его сын стал ужасом всего Мироздания. Он рассек миры эльфов, гномов и людей на темные и светлые. Но проклятье Немхо не иссякло и на этом.

С тех жестоких стародавних времен, когда пролилась кровь темных магов, земли Тусклых Холмов стали порождать исчадия мрака, и, на первый взгляд, простой побег винограда здесь мог стать смертельно опасным. В Соккерто еще при жизни императора Солнца гномы начали строить великую стену, отсекая Тусклые Холмы от кварталов города, от всего остального мира, словно боясь проклятья, наложенного на эту землю.

Горный народ воздвиг стены без врат. Когда же из катакомб на поверхность Тусклых Холмов

стали выходить те, кто пытался спрятаться там от гнева короля Солнца, несчастных не пустили за стены, прозвав «проклами», то есть проклятыми навечно.

Время шло своим чередом, сменялись столетия...

А когда смыслом жизни для людского рода стал меч, а способом общения с другими — кинжал, они покорили обширные земли, оттеснив эльфов в леса, а гномов в горы. Покорив же окружающие народы, они обратили сталь мечей против друг друга, неся на остриях копий конец свету. Мир тогда представлялся без будущего. И все же толика надежды лежала на столе судьбы народов, звуча в дошедшем из глубины веков пророчестве Памы Иверского о детях Огненного Коромысла:

«Когда наступит время битвы, и силы тьмы покажутся непобедимыми, не впуская в сердце свое отчаяние, верь, придут они — дети Коромысла Огненного, в них все наши чаяния, все наши надежды на будущее. И да упасите их, небом отмеченных, боги от соблазнов сил темных, ибо тогда страшен будет удел в живых оставшихся».

За прошедшие тысячелетия часть пророчества была утрачена, а оставшееся обросло вымыслом, будто самосадной солью, перерождаясь в былины, поэмы и даже в балагурные, плясовые песни. Услышать их можно было отовсюду: и из уст сытого, сладкоголосого барда где-нибудь во дворцах господ, и из хриплых хмельных глоток под топот ног и стук кружек с элем в какой-нибудь третьеразрядной таверне.

Все переплелось и перемешалось за долгие века. Где правда, где ложь разобрать теперь сложно.

Кто же знал, что эта писчая древность, это пророчество, обернется реальностью, и люди вдруг станут свидетелями вселенского передела, а созвездие Коромысла Огненного наконец проявится на небесах, даруя надежду на будущее.

Эта история о девяти Избранных света и тьмы и о тех, кому не посчастливилось родиться в то время, когда кажется: еще немного — и мир обвалится в бездну.

<http://tl.rulate.ru/book/15400/304826>